

ЛИТЕРАТУРА И МЕДИЦИНА

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-12-19

© С. А. КИБАЛЬНИК

«МНИМЫЙ ДОКТОР» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА *

Тема «мнимый больной» в мировой литературе довольно обширна. И конечно, представлена в русской литературе — хотя бы в пушкинском «Станционном смотрителе». А вот врачами люди притворяются реже — соответственно, и образ «мнимого врача» встречается не так уж часто. Впрочем, например, у Чехова в рассказе «Ночь перед судом» (1886), в начале 1890-х годов переделанном им в пьесу, он налицо.

Однако в заглавии настоящей статьи мы имеем в виду не сюжетную ситуацию, когда литературный герой притворяется доктором. И даже не то, когда врач не умеет лечить, — оттого что небрежно относится к исполнению своих обязанностей, как, к примеру, Трилецкий в пьесе Чехова «Безотцовщина» (1878), или оттого, что позабыл все, чему его учили, как Чебутыкин в его же «Трех сестрах» (1900).

Речь пойдет о другом, также достаточно распространенном явлении, когда герой — медик, а его прототип никакого отношения к медицине не имеет. Такие «доктора» в художественных произведениях, как правило, никого не лечат, а только рассуждают — чаще всего с материалистических позиций. Зачастую это вообще не реально практикующие врачи, а ученые, как доктор Фауст или чеховский Николай Степанович из «Скучной истории», а то и студент-медик, как Базаров.¹

Иногда писатель делает своего героя таким «доктором» главным образом для того, чтобы читатель не догадался о его реальном прототипе. Может быть, и называть этот тип «врача», во избежание путаницы, стоит не столько «мнимым», сколько «условным» доктором.

Классическим случаем подобного рода является тургеневский Базаров.

1

Как известно, замысел романа «Отцы и дети» (1860–1861) возник под влиянием ссоры И. С. Тургенева с Н. А. Добролюбовым и последовавшим за ней разрывом его с «Современником». В образе Базарова многие, как, например, М. Н. Катков, увидели «апофеозу „Современника“», а некоторые, как Ю. Г. Жуковский, даже «пасквиль на Добролюбова».² Бывший свидетелем

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00481, <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, ИРЛИ РАН.

¹ Правда, после разрыва с Одинцовой Базаров некоторое время «участвовал» в «практике» своего отца Василия Ивановича и «в деревне» во вскрытии «тифозного мужика». Но все это скорее служит мотивировкой ранней смерти Базарова.

² Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1981. Т. 7. С. 424, 438. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страни-

ухудшения личных отношений между двумя литераторами Н. Г. Чернышевский также полагал, что роман «Отцы и дети» был «открытым заявлением ненависти Тургенева к Добролюбову» (7, 438).

В конце концов Тургенев был вынужден сам выступить с печатным объяснением «По поводу „Отцов и детей“» (1869). В нем писатель, с одной стороны, признавался в том, что «никогда не покушался „создавать образ“, если не имел исходною точкою не идею, а живое лицо, к которому постепенно пришивались и прикладывались подходящие элементы.³ <...> Точно то же произошло и с „Отцами и детьми“». А с другой, заявлял: «...в основание главной фигуры, Базарова, легла одна поразившая меня личность молодого провинциального врача. (Он умер незадолго до 1860 года⁴)» (11, 86).

Как отмечали комментаторы академического издания, «в противовес параллели Добролюбов — Базаров, неоднократно выдвигавшейся в критике того времени, в статье выдвигается параллель Базаров — врач Дмитриев,⁵ которую отнюдь не исчерпывалось содержание даже первоначального замысла романа» (11, 370–371). Быть может оттого, что версия с «врачом Дмитриевым» мало кого убеждала, впоследствии на эту роль был выдвинут провинциальный орловский врач В. И. Якушкин.⁶

Связь же своего героя с Добролюбовым Тургенев в очерке «По поводу „Отцов и детей“» отрицал, ссылаясь на то, что с ним «почти не видался» и что статья Добролюбова о его «последнем произведении перед „Отцами и детьми“ — о „Накануне“» «исполнена самых горячих <...> похвал» (11, 88).⁷ При этом свое знакомство с Добролюбовым Тургенев явно умаляет, а о его не только журнальных, но и личных выпадах умалчивает.⁸ Из воспоминаний Н. Г. Чернышевского и А. Я. Панаевой мы знаем, что Тургенев довольно часто встречался с Добролюбовым на квартире Н. А. Некрасова и что с некоторых пор между ним и Тургеневым произошла размолвка.⁹

В статье его, очевидно, проявились «предосторожности всякого рода», которые Тургенев соблюдал в мемуарном жанре, объясняя их существованием «множества вещей, о которых нельзя говорить» (11, 370). Скорее всего, именно поэтому о других прототипах Базарова он предпочел высказаться предельно отбояемо. Так, «уверяя, что все это результат непосредственных

цы арабскими цифрами. Здесь и далее выделения курсивом в цитатах принадлежат авторам текстов, полужирным — нам. — С. К.

³ В сущности, именно так и обстояло дело с главными героями других романов Тургенева, начиная с «Рудина», во многом вызванного к жизни общением с М. А. Бакуниным.

⁴ Последнее указание похоже на хорошо известный беллетристический прием и не укрепляет в читателе доверия к сделанному Тургеневым утверждению.

⁵ Здесь имеется в виду мемуарное свидетельство А. В. Половцова о Тургеневе, в котором названа фамилия «доктора Д.» — «Дмитриев» (Половцов А. Воспоминания об И. С. Тургеневе // Царь-Колокол. Иллюстрированный всеобщий календарь на 1887 год. М., 1886. С. 77). Отмечая: «говорили мы мало, о пустяках» — Тургенев выделяет лишь поразившую его «базаровскую манеру» собеседника.

⁶ Чернов Н. М. Об одном знакомстве И. С. Тургенева // Вопросы литературы. 1961. № 8. С. 188–192.

⁷ В действительности окончательный разрыв Тургенева с «Современником» произошел под влиянием резкого отзыва Чернышевского о «Рудине» в рецензии на книгу Н. Готорна «Собрание чудес, повести, заимствованные из мифологии», опубликованной в июньской книжке «Современника» за 1860 год. Рецензия была анонимной, и Тургенев, по свидетельству П. В. Анненкова, решил, что она написана Добролюбовым. См.: Клеман М. К. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева / Под общ. ред. Н. К. Пиксанова. М., 1934. С. 118.

⁸ Ср.: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1859–1862) / Отв. ред. Н. П. Генералова; авторы-сост. Н. П. Генералова, С. А. Ипатова, В. А. Лукина. СПб., 2018. С. 156, 169, 180, 198–203, 276–277, 326–327 и др.

⁹ Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников / Сост., подг. текста и комм. С. А. Рейсера. М., 1986. С. 154–166, 175–190.

„наблюдений“ над его „знакомцем, доктором Д.“, Тургенев сопроводил эти признания многозначительным добавлением: и над „подобными ему лицами“. В числе „подобных лиц“ он, видимо, подразумевал прежде всего Добролюбова и Чернышевского» (11, 371).

Основанием полагать именно так является то, что «отдельные факты **на- рочитого огрубления некоторых важных высказываний Добролюбова** (да и не только его) при создании образа Базарова все-таки имели место» (11, 370).

Между тем достаточно условная принадлежность Базарова к корпорации врачей объясняется легко, и никакие доктора-прототипы для этого не нужны. Публицисты того времени, в том числе и публицисты «Современника» с их особым вниманием к естественным наукам, нередко прибегали к сравнениям и аналогиям между жизнью, литературой и медициной. Например, «внутри- тельное резюме медика и демократа Базарова: „Исправьте общество, и бо- лезней не будет“, — как отметили комментаторы академического издания, — звучит почти как цитата из статьи Чернышевского о „Губернских очерках“ Щедрина (1857), где Чернышевский, намекая на необходимость радикаль- ного переустройства существующего социального порядка, писал: „Надобно отыскать причины, на которых основывается непонятное нам явление обще- ственного быта, и против них обратить свою ревность. Основное правило меди- цины: **«отстраните причину, тогда пройдет и болезнь...»**» (7, 425).

Как отмечал А. В. Кубасов, «прототипы из жизни могут подчас выходить за круг социального, профессионального или иного родства с героем».¹⁰ При этом зачастую трансформация прототипа в лицо другого пола, возраста и профессии делается намеренно, чтобы как можно тщательнее его закамуфлировать.

Подтверждают эту точку зрения и подготовительные материалы к рома- ну, в которых о Базарове сказано: «Смесь Добролюбова, Павлова и Преобра- женского» (12, 566). Отметим, что Добролюбов назван первым по счету. Из двух других первый был врачом, а о личности второго ведутся споры.¹¹ При этом о Базарове сказано, что он «доктором не хочет быть, ждет случая» (12, 566). То есть Базаров готовится стать революционером.

Современные исследователи также признают, что Тургенев, «создавая образ Базарова, несомненно, имел в виду Добролюбова», и лишь справедливо отмечают, что это был не памфлет против него, а напротив, довольно сочув- ственное его изображение:¹² «Вопреки собственным философским и социаль- ным воззрениям, вопреки отрицательному опыту личных взаимоотноше- ний», Тургенев «был прельщен тем типом личности, который воплощал собою Добролюбов...».¹³ Примирению былых противоречий, конечно, могла способ- ствовать и серьезная болезнь критика, обострившаяся еще до начала работы Тургенева над романом.¹⁴

¹⁰ Кубасов А. В. Проза А. П. Чехова: поэтика стилизации. Екатеринбург, 1998. С. 236.

¹¹ Батюто А. И. К истории создания романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» (По поводу одной публикации) // Русская литература. 1985. № 4. С. 156–165; Генералова Н. П., Хитрово Л. К. К родословной главного героя романа «Отцы и дети» (Кто дал фамилию Евгению Базарову?) // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. СПб., 2012. Вып. III. К 150-летию романа «Отцы и дети». С. 335–338.

¹² Доманский В. А. Тургенев и Добролюбов: полемический диалог и контекст // Тургенев и либеральная идея в России. Пермь, 2018. С. 95–110.

¹³ Ребель Г. М. Искушения русского романа: «Накануне» И. С. Тургенева в добролюбовской интерпретации // Вопросы литературы. 2006. № 2. С. 222.

¹⁴ Добролюбов еще в мае 1860 года выехал за границу для лечения туберкулеза (от которого в ноябре 1861 года и скончался), а Тургенев начал писать «Отцов и детей» только в октябре 1860 года (7, 418). Нельзя исключить, что решение закончить роман преждевременной смертью Базарова было отчасти вызвано слухами об умирающем Добролюбове. Известно, что здоровьем его Тургенев осенью 1861 года «весьма интересовался» (см. письмо Обручева к Добролюбову от 3 (15) ноября: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1859–1862). С. 347).

Итак, если писатель и в самом деле воспользовался при создании образа Базарова отдельными деталями облика знакомых ему врачей, то основным его прообразом все же был Добролюбов. Решение же Тургенева сделать своего героя врачом, судя по всему, основывалось на расхожей метафоре революционера как «врачевателя общественных болезней».

2

Разумеется, определенная условность есть в любом герое-враче. В отличие от современных сериалов, посвященных медицине, писатель — в особенности писатель XIX века — естественным образом изображает такого героя по преимуществу вне его профессиональной деятельности.

Так, лермонтовского доктора Вернера мы видим в основном в беседах с Печориным. Достаточно условный образ и герценовский доктор Крупов. В романе «Кто виноват?» (1846) у него функция резонера — опытного человека, который напоминает молодым героям о сложности человека и жизни. В повести же «Доктор Крупов» (1847) его врачебная специальность — и вовсе лишь повод для автора развить на мотив философских повестей Вольтера его теорию всеобщего человеческого безумия.

Базаров был сделан доктором отчасти для того, чтобы скрыть истинного прототипа. Нередко так происходило в русской литературе и позднее. Например, профессор-медик Николай Степанович из повести Чехова «Скучная история» и военный доктор Чебутыкин из его пьесы «Три сестры» — в действительности в значительной степени закамуфлированное изображение личности близкого знакомого автора, издателя А. С. Суворина.¹⁵ Присущее старшему другу равнодушие к близким Чехову было легче всего воплотить — и в то же время скрыть — в образе врача.

Другой интересный случай мы находим в романе Чехова «Драма на охоте» (1885). У главного героя следователя Камышева (изображенного в написанной им повести под фамилией «Зиновьев») есть хороший знакомый, доктор Павел Иванович Вознесенский. Казалось бы, первейшее место в его литературной родословной должен занимать лермонтовский доктор Вернер. Однако на самом деле роль его среди прототипов Вознесенского самая скромная.

Уже его фамилия, имя и отчество имеют оксюморонный характер. Имя-отчество у него как у гоголевского Чичикова, а фамилия — как у лиц духовного происхождения. Так же противоречив и характер героя. Противоречивость Вознесенского, выразившаяся уже в его именовании, в Вернере раскрывается постепенно, по мере разворачивания сюжета лермонтовского романа.

Отзыв Камышева о Вознесенском в написанной им повести:¹⁶ «...единственный человек, сентенции которого я выслушиваю с легкой душой, не морщась...»¹⁷ — как будто бы самый располагающий к нему. Однако то, что о нем рассказывается далее, являет перед нами довольно жалкую личность.

Характеристика эта: «человек <...>, которому дозволяется **вопросительно заглядывать в мои глаза и запускать исследующую руку в дебри моей**

¹⁵ См. об этом: *Кубасов А. В.* Проза А. П. Чехова: поэтика стилизации. С. 236–238; *Кибальник С. А.* «Поэтика медицины» в творчестве А. П. Чехова // *Русская литература.* 2022. № 3. С. 38–40.

¹⁶ Своим построением «Драма на охоте» также больше всего напоминает «Героя нашего времени». У Лермонтова значительная часть романа представляла собой дневник героя («Журнал Печорина»), а у Чехова почти весь роман составляет повесть Ивана Петровича Камышева, в которой он рассказывает свою историю от лица Сергея Петровича Зиновьева.

¹⁷ *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. М., 1985. Т. 3. С. 291. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием серии, номера тома и страницы.

души...» (С 3, 291) — явно напоминает лермонтовского Вернера: «Его маленькие черные глаза, всегда беспокойные, старались проникнуть в ваши мысли». ¹⁸ Ср. также у Чехова: «Я люблю его простое, далеко не пластическое лицо с большим носом, прищуренными глазами и жидкой рыжей бородкой» (С 3, 291); и у Лермонтова: «...неровности его черепа, обнаженные таким образом, поразили бы френолога странным сплетением противоположных наклонов». ¹⁹

Общая же оценка отношений Вознесенского с Зиновьевым: «Мы с ним приятели в самом лучшем смысле этого слова и уважаем друг друга...» (С 3, 291) — также почти воспроизводит печоринское: «Мы друг друга скоро поняли и сделались приятелями...». ²⁰ Хотя далее Зиновьев оговаривается: «Между мною и им, как черная кошка, прошла женщина» (С 3, 291). И тут уже повествование развивается по сюжетной линии «Печорин — Грушницкий».

Именно под Грушницкого Вознесенский и стилизован далее как неудачный соперник Зиновьева в любви к Наде Калининой. Даже фамилия его «Вознесенский» лишь начальной буквой похожа на фамилию «Вернер», а своим окончанием воспроизводит окончание фамилии «Грушницкий».

3

Однако Грушницкий из Вознесенского тоже получается какой-то необычный. Ведь «Щур», как прозвали Вознесенского «за его вечно прищуренные глаза» (С 3, 288), делает все, чтобы предмет его воздыханий Надя Калинина досталась Зиновьеву. И в этом отношении скорее напоминает героя «Бесов» Достоевского Маврикия Николаевича Дроздова — секунданта Гаганова в его дуэли со Ставрогиным и офицера, ухаживающего за Лизой Тушиной.

Уже приведенная нами характеристика Зиновьева: «Мы с ним приятели в самом лучшем смысле этого слова и уважаем друг друга...» — близка к словам повествователя «Бесов» о Гаганове: «...еще с вечера припас себе секунданта, а именно Маврикия Николаевича Дроздова, своего приятеля, школьного товарища и особенно уважаемого им человека». ²¹

Вознесенский напоминает Дроздова своим поклонением Калининой, а заодно и высоким ростом, отмеченным с самого начала: «Доктор любил ее так, как способны любить только такие хорошие натуры, как мой милый „щур“ Павел Иванович... Теперь он, как шест, стоял около нее, держа руки по швам и вытянув шею... Изредка он вскидывал свои любящие вопрошающие глаза на ее сосредоточенное лицо... Он словно сторожил ее молитву, и в его глазах светилось страстное, тоскующее желание быть предметом ее молитвы» (С 3, 298).

Преданность Дроздова Тушиной декларирована ею: «Это самый лучший и самый верный человек на всем земном шаре <...>! Il fait tout ce que je veux» ²² — а затем не раз продемонстрирована им самим. Не раз подчеркивается и его высокий рост: «„Боже, как вы непозволительно высоки ростом, Маврикий Николаевич!“ И опять смех. Маврикий Николаевич был роста выскокого, но вовсе не так уж непозволительно». ²³

¹⁸ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1981. Т. 4. С. 243.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1974. Т. 10. С. 222.

²² Там же. С. 87. И он делает все, что я хочу (фр.).

²³ Там же. С. 156.

Вместо двух разговоров, в ходе которых Вознесенский уговаривает Зиновьева жениться на Калининой, в «Бесах» только один. И он носит гораздо более драматический характер: «Если можете, то женитесь на Лизавете Николаевне, — подарил вдруг Маврикий Николаевич, и, что было всего любопытнее, никак нельзя было узнать по интонации голоса, что это такое: **просьба, рекомендация, уступка или приказание**». ²⁴ Тем не менее в этом разговоре есть некоторые детали, из которых развились оба разговора Вознесенского.

Дроздов сообщает Ставрогину, что его невеста в действительности любит его, Ставрогина: «**Из-под непрерывной к вам ненависти, искренней и самой полной, каждое мгновение сверкает любовь и... безумие... самая искренняя и безмерная любовь и — безумие!**» ²⁵ Аналогичным образом после того, как надежды Нади Калининой выйти замуж за князя Карнеева рухнули, Вознесенский объясняет Зиновьеву: «**Чтобы уколоть вас**, она задумала выйти за этого графа... Не нужно ей было ни его денег, ни знатности...» (С 3, 367).

Ставрогин не признает, что по его поведению можно было «заключить» о его «чувствах к Лизавете Николаевне». Дроздов же искренне удивляется этому: «Как? — даже вздрогнул немного Маврикий Николаевич, — разве вы не домогались? Не домогаетесь и не хотите домогаться?» ²⁶ Вознесенский как будто бы лишь распространяет эту его тираду: «Не вы ли сами добивались этих поползновений на вашу особу? Вы каждый день ездили, обыкновенные гости так часто не ездят. Днем вы удили с нею рыбу, вечерами гуляли в саду, ревниво оберегая ваше tête-à-tête... Вы узнали, что она любит вас и ни на йоту не изменили вашего поведения... Можно было после этого не подозревать в вас добрых намерений? Я был уверен, что вы на ней женитесь!» (С 3, 302).

С учетом того, что в Зиновьеве также есть черты Ставрогина: ²⁷ необыкновенная красота, харизматичность и одновременно порочность, — пародийная стилизация Вознесенского под Дроздова не оставляет сомнений. Хотя одновременно этот герой отмечен отдельными чертами Грушницкого и Вернера.

Возможно, некоторые из приведенных параллелей кому-то могут показаться случайными, а сходство между Вознесенским и его литературными прототипами в произведениях предшественников Чехова скорее типологическим. Однако в своей совокупности они выглядят убедительно. Особенно если иметь в виду, что роман «Драма на охоте» вообще — это стилизация с элементами пародии едва ли не на всю русскую классическую литературу в целом, и на Достоевского в особенности. ²⁸

²⁴ Там же. С. 295. Ранее эта единичная параллель между Дроздовым и Вознесенским была проведена Р. Г. Назировым: «Чехов в своей парафразе полностью переименовал отношение двух соперников — благородного чудака и пожирателя женских сердец. У него благородный персонаж не грозит, а плачет и умоляет. <...> Чехов отменял романтику жоржандизма» (Назирова Р. Г. Достоевский и Чехов: Преемственность и пародия // Назирова Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет. Уфа, 2005. С. 164).

²⁵ Достоевский Ф. М. Бесы. С. 296.

²⁶ Там же. С. 297.

²⁷ То, что Ставрогин оказывается женат и признается в этом Дроздову (а это делает невозможным его брак с Лизой Тушиной), в «Драме на охоте» отозвалось тем, что женатым оказывается граф Карнеев, и это разбивает надежды Нади Калининой. В свою очередь, эта героиня пародийна не только по отношению к главной героине «Дворянского гнезда» Лизе Калитиной, что подчеркнуто прозрачной анаграмматичностью ее фамилии, но и по отношению к Лизе Тушиной. Нада Калинина и сама сравнивает себя с пушкинской Татьяной (С 3, 330), однако навязывается Зиновьеву гораздо более явным образом. Зато она отказывается от его предложения стать его любовницей, в то время как Лиза Тушина идет на это сама.

²⁸ Кибальник С. А. Из истории детективной литературы в России: случай Чехова. Литературоведческое исследование. СПб., 2022.

Итак, чеховский Вознесенский — также весьма условный доктор. Среди его ипостасей: «несчастливый соперник в любви», «самоотверженный влюбленный» и др. — нет почти ничего, что имело бы отношение к медицине. А ведь это один из немногих чеховских докторов, образ которого был создан писателем в то время, когда он сам был по преимуществу врачом.

4

Из образа Вознесенского в зрелом творчестве Чехова вырастает целый ряд докторов, которые предстают перед нами не столько как врачи, сколько как просто хорошие люди. «Настоящие» доктора у Чехова вообще не совершают чудес спасения безнадежно больных пациентов. Возможности медицины в то время были довольно ограничены. Скорее это люди, которые неравнодушны к своим пациентам и понимают, что им нужно. Причем иногда это совсем не лекарства.

Так, доктор Самойленко изо всех сил пытается достать для Лаевского денег взаймы. Хотя, скорее всего, если он когда-нибудь и получит их обратно, то явно нескоро. Да и деньги эти нужны Лаевскому на то, чтобы бежать от гражданской жены Надежды Федоровны, которую он увез от мужа. Не одобряя эти планы, Самойленко, тем не менее, старается помочь другу во что бы то ни стало.²⁹

Некоторая преемственность этого героя по отношению к доктору Вознесенскому-Щуру прямо выражается в том, что Чехов наделяет его одной «щуровской» чертой. Самойленко любит давать деньги взаймы, и потому у него самого их никогда нет: «**всем давал деньги взаймы**» (С 7, 353). Та же страсть владела и Щуром: «**Взаймы дает он всякому просящему**, не говоря ни слова и не заикаясь об обратной получке... Никаким гвоздем не выковыришь из него бесшабашной веры в людскую добросовестность...» (С 3, 292).

В чеховском Дорне из пьесы «Чайка» отчасти воплощено alter ego автора в пьесе.³⁰ Не столько как врач, сколько как хороший человек явлен и герой рассказа «Случай из практики» (1898) «ординатор» Королев. Видя, что дочь фабрикантки Ляликовой Лиза вовсе не больна, а угнетена окружающим, он не боится донести до нее, что «ей нужно поскорее оставить пять корпусов и миллион, если он у нее есть, оставить этого дьявола, который по ночам смотрит; для него было ясно также, что так думала и она сама и только ждала, чтобы кто-нибудь, кому она верит, подтвердил это» (С 10, 84).

В русской литературе XX века вообще, в том числе в советской, начиная с «Записок юного врача» (1925–1926) М. А. Булгакова, все чаще изображается врач как таковой.³¹ И тем не менее тип «условного доктора» продолжил свое существование. В частности, очередной его модификацией стал образ доктора Живаго в одноименном романе Б. Л. Пастернака (1957), представляющем собой гибридный гипертекст романов Достоевского «Идиот»³² и «Братья Карамазовы».³³ Недаром, по мнению поэта О. Седаковой, «святость»

²⁹ Как заметила Е. Н. Петухова о Самойленко, «каким он был врачом, неизвестно, но, исходя из человеческих качеств, предполагается, что хорошим» (Петухова Е. Н. Доктора в прозе и пьесах Чехова // Петухова Е. Н. О Чехове. Продолжение разговора. СПб., 2023. С. 39).

³⁰ Кибальник С. А. Доктор Дорн против писателя Мопассана (об интертекстуальном подтексте чеховской «Чайки») // Филологические науки. 2022. № 1. С. 62–72.

³¹ См.: Волчкевич М. «Чудесный доктор»: эволюция образа врача в дореволюционной и советской литературе // Филологические науки. 2023. № 2. С. 97–100.

³² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 35 т. СПб., 2020. Т. 9. С. 626–628.

³³ Смирнов И. П. Роман тайн «Доктор Живаго». М., 1996. С. 154–197.

в «Докторе Живаго» «является как врач, как великий диагност — герой романа».³⁴

Изложенные выше соображения имеют особое значение, если вспомнить, что в работах по антропологии медицины «литературные образы врачей нередко сопоставляются с образами реальных врачей — в таком ряду лермонтовский Вернер „встречается“ с пятигорским доктором Майером, тургеневский Базаров с Сеченовым, чеховские Астров, Дорн и Чебутыкин с самим Чеховым».³⁵

Как мы видели, существует гораздо больше оснований для того, чтобы сопоставлять Базарова с Добролюбовым, а Чебутыкина с Сувориным. Постановка же тем вроде «образы врачей в творчестве Чехова», как нам представляется, вообще не имеет особого смысла, так как в этом случае разнородные литературные образы ставятся в единый ряд по достаточно формальному внешнему признаку.

³⁴ Седакова О. А. «Неудавшаяся епифания»: два христианских романа — «Идиот» и «Доктор Живаго» // *Континент*. 2002. № 112. С. 376.

³⁵ Богданов К. А. Врачи, пациенты, читатели. Патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М., 2005. С. 12.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-19-32

© И. А. КРАВЧУК

ЗНАХАРСТВО ПРОТИВ ХИРУРГИИ: ЮРИЙ ОЛЕША НА ВТОРОЙ ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ АВТОРСКИХ ОБЩЕСТВ*

«Я говорю об интеллигенте-пособнике, интеллигенте-переметчике, интеллигенте-перебежчике, трусе, предателе и мерзавце, выражающем общественный слой», — такими словами заканчивал свою знаменитую книгу о Юрии Олеше литературовед и диссидент А. В. Белинков.¹ Название книги — «Сдача и гибель советского интеллигента» — как бы оторвалось от ее главного героя, став универсальным обозначением «морального износа». Многолетний политзаключенный, Белинков судил Олешу строгим судом. Более пристальное и менее пристрастное изучение олешинского наследия заставило последующие поколения исследователей пересмотреть этот подход. Как пишут Н. А. Гуськов и А. В. Кокорин, «непредвзятое знакомство с фактами жизни Олеша и его сочинениями (особенно их черновиками) заставляет отчасти усомниться в мифе о нем и как о жертве тоталитарной системы, и как о недостаточно стойком борце за идеалы, не одобряемые этой системой. Все обстояло гораздо сложнее, и, только распутав загадочный узел жизненных и творческих перипетий писательской судьбы, мы сможем должным образом понять и по достоинству оценить произведения Олеша».² Мы бы хотели

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00481, <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, ИРЛИ РАН.

¹ Белинков А. В. Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша. Мадрид, 1976. С. 609.

² Гуськов Н. А., Кокорин А. В. Чудотворец, завистник и «истинный нищий» — Олеша // Олеша Ю. К. Зависть. Заговор чувств. Строгий юноша. СПб., 2017. С. 332.